

ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ ГЛАВА ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ИОАННА

СВЯЩ. АЛЕКСАНДР ПРОКОПЧУК
(ПСТГУ)

Цель настоящего сообщения – показать неразрывность между 21-й и предыдущими главами четвертого Евангелия. Таких связей более чем достаточно. Гипотеза о том, что 21-я глава не входила в первоначальный текст Евангелия от Иоанна, уже в течение десятилетий является общепринятой. Однако никаких объективных доказательств этому никогда не существовало. Критике всегда свойственно ставить себя над Писанием. Однако мне представляется, что роль исследователя – сродни евангелисту Иоанну. Каждый из нас становится свидетелем увиденного и понятого. Нам следует встать не над текстом, а оказаться на одном уровне с ним, чтобы проникнуть в тайну автора, в тайну Христа, и донести ее до своих слушателей.

Мнение западной библеистики о том, что 21-я глава является дополнением к первоначальному тексту Евангелия от Иоанна, хорошо известно. Его устойчивость обычно объясняется тем, что если 21-я глава — добавление, написанное позднее, то тогда автор Евангелия не был ни галилейским рыбаком, ни «любимым учеником». Поэтому отрицание апостольского происхождения четвертого Евангелия неизбежно влечет за собой отрицание подлинности его последней главы. Цель настоящего сообщения — показать, что 21-я глава — это не дополнение, возникшее спустя годы после написания основного евангельского текста, а органическое смысловое завершение Евангелия.

Сопоставим начало 21-й главы с первым стихом 6-й главы:

«После этого ушел Иисус на ту сторону моря Галилейского, или Тивериадского» (Ин 6. 1)¹.

«После этого явил Себя снова Иисус ученикам на море Тивериадском» (21. 1)

И дело здесь не только в том, что эти события происходят на берегу Тивериадского озера, которое только евангелист Иоанн называет «морем». Первый стих 6-й главы представляет собой очевидное ис-

¹ Все цитаты из Священного Писания Нового Завета приводятся по переводу под редакцией епископа Кассиана (Безобразова).

торическое и географическое несоответствие, так как из Иерусалима нельзя уйти на ту сторону Галилейского озера. Очевидно, что события, описываемые в пятой и шестой главах, разделены между собой значительным промежутком времени. Верно это и в отношении двадцатой и двадцать первой глав. Только что мы узнали о явлении Иисуса Христа апостолам в Иерусалиме на восьмой день после Воскресения (20. 24-29), а теперь они уже в течение некоторого времени находятся в Галилее и решают вместе половить рыбу. Ниоткуда не следует, что они ждут повторного явления воскресшего Учителя. Впервые за прошедшие три года Иисуса нет с ними, и они возвращаются к тому делу, которым занимались всю свою жизнь до встречи с Ним.

Поэтому указание на «Кану Галилейскую» (21. 2) ассоциируется не только с двумя чудесами, совершенными там Иисусом, но и с тем обстоятельством, что они происходят, когда Он вернулся из Иудеи в сопровождении учеников (2. 2; 4. 43). Теперь они возвратились в Галилею одни.

Петр не приглашает с собой на море своих спутников, а только объявляет им о своем намерении: «Иду ловить рыбу». Они хотят пойти с ним. Те же слова «идем и мы» мы уже слышали на пути в Вифанию, когда Фома, превзойдя общую нерешительность, призывает остальных учеников пойти за Иисусом, «чтобы умереть с Ним» (11. 16). Но теперь «идем и мы» — это желание последовать за Петром.

Если при первых двух явлениях в Иерусалиме воскресшего Господа у них не было сомнений в том, что это действительно Он, то в третий раз они так и не узнали своего Учителя. И дело здесь не в темноте и не в расстоянии, отделявшем лодку от суши. Когда она пристала к берегу и они вышли к Нему, ничто не говорило им, что это Он. Лишь внутренняя убежденность перевесила возможные сомнения (21. 12). Поэтому нельзя не отметить, что весь последующий разговор происходит с человеком, который им внешне не знаком.

Обращение с берега не содержит вопроса о наличии или отсутствии улова. Иисус спрашивает апостолов, смогут ли они прибавить что-нибудь к хлебу. Как и знамения, описываемые во второй и шестой главах, чудесный улов рыбы становится восполнением недостатка пищи. Вспомним, что после беседы с самарянкой человеческая потребность Христа так и не была удовлетворена. Женщина не дала Ему пить, а от еды, принесенной учениками, Он отказался (4. 28, 31). Это символически раскрывает содержание предыдущего диалога: Иисус сообщает жизнь каждому человеку, а для Него источником жизни является связь с Богом (4. 10-15, 32). У Иисуса есть вода и пища, и Он приходит в Сихем, чтобы напоить Своим учением самарян и накор-

мить учеников (то есть научить их исполнять волю Отца). Так же и в рассматриваемой нами 21-й главе не апостолы кормят Иисуса Христа, а Он их. Необычный улов становится дополнением к тому хлебу и рыбам, которые приготовлены для них на берегу.

Перед тем как самаряне, покинувшие город, пришли к Иисусу, Он сообщает ученикам, что им предстоит собирать урожай, над возделыванием которого они не потрудились (4. 38). Когда ранним утром апостолы возвращались, после безуспешного ночного труда, казалось, что надежда на улов окончательно утеряна. Однако неизвестный человек предлагает им сделать то, что противоречит их ночному опыту. Они оказали ему повиновение, и их сеть переполнилась рыбой. Неожиданный улов становится символическим исполнением предсказания, сделанного в Самарии.

Следовательно, от Бога зависит не только наличие улова, но и его отсутствие. «Без Меня не сможете творить ничего», — предупредил Иисус учеников незадолго до Своей смерти (15. 5).

Количеству пойманных рыб давались самые разнообразные объяснения (символические и аллегорические), однако скорее всего число 153 не несет определенного смыслового или знакового значения. Рыбаки всегда подсчитывали улов, чтобы затем поровну разделить его между собой. Поэтому подсчет производится Петром, поскольку именно он возглавлял ловлю. Евангелисту важно было подчеркнуть, что при таком множестве рыбы невод все-таки не прорвался и улов не пропал (см. 17. 2; 18. 9).

Когда сеть стала настолько тяжелой, что ее уже не могли вытянуть обратно, Иоанн сообщил Петру: «Это Господь». Не дожидаясь, пока лодка, которая тащила за собой тяжелую сеть, пристанет к берегу, Петр, препоясавшись, бросается в воду. Выходя из озера, он видит «разложенные горящие уголья и рыбу, на них лежащую, и хлеб» (21. 9). Можно задаться вопросом: откуда в пустынном месте взялись уголья, хлеб и свежая рыба? Готовящийся завтрак напоминает о двух событиях. Первое — это чудесное насыщение пяти тысяч людей хлебом и рыбой на берегу Галилейского озера и последовавшая за ним беседа о Хлебе Жизни, после которой Иисус спрашивает двенадцать, не намерены ли они Его оставить? «Господи, к кому мы пойдём? — отвечает Петр. — Ты имеешь слова жизни вечной» (6. 13). Второе — это костер, у которого Петр трижды отрекается от своего Учителя: «И стояли рабы и служители: они разожгли уголья, потому что было холодно, и грелись. А с ними Петр стоял и грелся» (18. 18).

Рассвет, во время которого происходит чудо, возвращает нас к символике света, проходящей через все повествование Евангелия от

Иоанна. Перед исцелением слепорожденного Иисус впервые сказал о приближении часа Своей смерти, как о смене дня Его пребывания в мире ночью Его отсутствия: «Нам надо делать дела Пославшего Меня, доколе есть день: приходит ночь, когда никто не может делать. Пока Я в мире, Я свет миру» (9. 4)². Как и в повседневной жизни, человек может трудиться, пока светло, ночью же такая возможность исчезает. В Евангелии эту символику смены света тьмой мы можем проследить следующим образом: когда Иуда уходит с Тайной вечери, «была ночь» (13. 30). По Воскресении Мария Магдалина приходит к гробнице «еще в темноте» (20. 1). «Вечером, в день тот» первый раз Иисус является Своим ученикам. И, наконец, в последнем явлении при море Тивериадском, когда настало утро, сеть апостолов наполняется рыбой. Чудо становится возможным лишь тогда, когда свет возвращается в мир (ведь действовать можно лишь при свете).

Иисус приглашает учеников: «идите ешьте» (21. 12). Но ни один из них не решается взять пищу. Видя растерянность и недоумение на их лицах, Он Сам снимает с костра рыбу и хлеб, и раздает им. После того как они поели, Иисус трижды спрашивает Петра, любит ли он Его больше, чем остальные, и получив утвердительный ответ, перепоручает ему Своих овец. Но 21-я глава завершает события Страстей не только потому, что говорит о восстановлении Петра в апостольстве и заканчивает рассказ о следовании за Иисусом Иоанна и Петра (начатый в 18-й гл.). Наиболее важным для нас является сопоставление диалога с Петром и обращения Господа с Креста к любимому ученику (19. 27). Иоанну Он оставляет Свою Матерь, а галилейскому рыбаку поручает пасти Своих овец. Основанием обоих поручительств является любовь. Тому, кого больше всего любишь, готов отдать самое дорогое. А от того, кто сильнее всех любит, ожидается предельная верность: он не наемник, который защищает чужих лишь из корысти. Поэтому Петру доверена забота и попечение о пастве.

Но пастьерство Петра не может не ставить перед нами вопросы. Во-первых, как быть с пастьерством Самого Христа, который объявляет Себя единственным и единым Пастьерем Своего стада (10. 16)? А во-вторых, как отнестись к тому, что в Первосвященнической молитве Он поручает заботу об учениках Своему Отцу (17. 15). Естественно, что пастьерство Петра не может заменить пастьерства Иисуса Христа и пастьерства Бога. Эти отданные Петру Спасителем овцы не становятся для Христа чужими. Его пастьерство сохраняется, но имеет духовное измерение, невидимое, хотя и не менее реальное из-за этого. Видимое же пастьерство принадлежит Петру.

² Он еще не однажды об этом скажет (11. 9-10, 12. 35-36).

Указание на то, что перед тем, как прыгнуть в воду, Петр «опоясался одеждой (ибо он был наг)», напоминает, как во время последней вечери Иисус «встает и снимает одежду и взяв полотенце Он опоясался» (13. 4). То, что Господь снимает с Себя одежду и опять надевает ее, символизирует, как Он отдает Свою жизнь и снова ее принимает (10. 17-18). Все евангелисты отмечают, что перед Распятием со Христа была снята одежда, которую воины поделили между собой с помощью жребия. Но только Иоанн видит в этом исполнение слов псалма 21: «Разделили одежды Мои между собой и об одеянии Моем метали жребий» (19. 24). Следует отметить, что лишь четвертый евангелист сообщает о том, что Иисус Христос был связан при аресте («взяли Иисуса и связали»: 18. 12, «послал Его Анна связанным к Каиафе»: 18. 24). Поэтому опоясание — это образ насильственной смерти, которая ждет Петра. О ней далее сообщает ему Иисус: «Когда ты был молод, то опоясывал себя сам и шел, куда хотел, когда же состаришься, протянешь руки твои, и другой тебя опояшет и поведет, куда не хочешь» (21. 18). Были ли эти слова тогда понятны Симону? Вряд ли. Иоанн объясняет их своим читателям спустя десятилетия после их исполнения: «А это Он сказал, давая понять, какую смертью он прославит Бога» (21. 19). На Тайной вечере Иисус Христос связал Себя Сам, Петра свяжет «другой», его смерть не будет добровольной.

Сходным образом евангелист разъясняет указания на предстоящую смерть Самого Иисуса Христа:

«Это говорил Он о Духе... ибо еще не было Духа, потому что Иисус еще не был прославлен» (7. 39).

«Это Он говорил, давая понять, какую смертью предстояло Ему умереть» (12. 33).

Мы видим, что стихи 12. 33 и 21. 19 почти полностью совпадают. В неоднократных указаниях на то, что смерть Иисуса Христа прославит Бога, это прославление мыслится как взаимное. Прославление Сына переходит в прославление Отца, и наоборот (13. 31-32; 17. 1, 4-5). Но в случае с Петром объектом прославления может быть только Бог, так как смерть апостола не имела и не могла иметь того сотериологического (и искупительного) значения, которое имела смерть Сына Человеческого (12. 27-36).

Предсказание о мученичестве сменяется призывом: «Следуй за Мной»³. Так начинают исполняться слова, сказанные на Тайной Вечере: «Куда Я иду, ты не можешь теперь последовать за Мной, но по-

³ Означает ли это, что предыдущий диалог с Петром происходил в присутствии других учеников? По крайней мере, начало разговора не предполагает, что в этот момент Иисус и Петр отошли от остальных апостолов: «Итак, когда они поели, говорит Симону Петру Иисус».

следуешь после» (13. 36). Но, обернувшись, Петр видит, что их сопровождает «ученик, которого любил Иисус, тот самый, и припал на вечере к груди Его и сказал: Господи, кто есть предающий Тебя?»⁴, хотя Он не приглашал его идти за Собой. Недоумевая, Симон спрашивает Учителя: «Господи, а сей что? Говорит ему Иисус: если Я хочу, чтобы он пребывал доколе Я не приду, что тебе? Ты за Мной следуй» (21. 22). Иоанн хотя и идет за Петром, но следует не за ним, а за Иисусом Христом. Если бы Иоанн последовал за Петром, это означало бы, что вслед за ним он должен умереть. Но он направляется за Иисусом, который продолжает жить и возвратится вновь. Поэтому понятно, почему Петр опережает Иоанна — ему первому предстоит умереть.

Окончание Евангелия напоминает его начало. В первой главе двое учеников следуют за Иисусом по берегу Иордана, а в заключительной Петр и Иоанн идут за Господом вдоль Галилейского озера.

Взаимосвязь между апостолами Петром и Иоанном совпадает с соотношением между Иоанном Крестителем и Иисусом Христом⁵: «идуший за мною впереди меня стал» (1. 15, 27). Хотя Петр приходит к Иисусу Христу после Иоанна, но опережает его⁶.

Но связь между Предтечей и евангелистом на этом не заканчивается. Общеизвестно, что любимый ученик называет Крестителя просто Иоанном, не приводя при этом своего имени. Поэтому читателю нет необходимости отличать Предтечу от другого Иоанна, автора Евангелия. Услышав свидетельство Иоанна Крестителя: «вот Агнец Божий» (1. 36), он следует за Иисусом вплоть до конца (ср. Мф 26. 58), и у Креста удостоверяет подлинность слов Предтечи (Ин 19. 32-37). Оба Иоанна — «свидетели»⁷. Время свидетельства евангелиста наступает, «когда приходит час Иисуса перейти к Отцу». В от-

⁴ Для евангелиста характерно идентифицировать людей через связанные с ними события: «Никодим, приходивший к Нему первый раз ночью» (19. 39); «Мария же была та, которая помазала Господа миром и отерла ноги Его волосами своими» (11. 2); «Лазарь, которого Иисус воздвиг из мертвых» (12. 1, 9).

⁵ Символический параллелизм между апостолом Петром и Иоанном Крестителем виден также из следующего. При отречении Петр дважды произносит: «нет» — «я не есмь» (Ин 18. 17, 25), что звучит как отрицание божественного «Я есмь». Для Петра это действительно отречение, в отличие от Иоанна Крестителя, который тем же двоекратным «нет» «и не отрекся, и исповедал», Христа, отказавшись присвоить себе Его имя (1. 20-21). (см.: *Дюмулен П.* Евангелие от Иоанна. СПб., 2003. С. 146).

⁶ Что наглядно показано в 20-й главе. Хотя молодой Иоанн опередил Петра, первым в пустой гроб входит Петр.

⁷ Только Иоанн Креститель и его анонимный ученик, наряду с Богом, названы в Евангелии «истинными» свидетелями (Ин 5. 33; 10. 41; 19. 35; 21. 24).

личие от первой встречи у Иордана, на Тайной вечере взаимные отношения между Иоанном и Иисусом Христом приобрели законченность. Иоанн наиболее близок к Иисусу, и от него Господь ничего не скрывает. Любимый ученик проникал в тайну Христа куда глубже, чем остальные. Он присутствовал при всех событиях, которые описывает в своем Евангелии, начиная с проповеди Иоанна Крестителя вплоть до возвращения Иисуса Христа, свидетелем которого он должен стать.

Впрочем, сам евангелист против буквального понимания слов Учителя, сказанных Петру: «Но не сказал ему Иисус, что он не умрет, но если Я хочу, чтобы он пребывал, доколе Я не приду, что тебе?». По мнению иоанновой общины предсказание: «Снова приду и возьму вас к Себе, чтобы, где Я, и вы были» (14. 3) должно было исполниться на последнем из оставшихся в живых апостолов. С ним связывала Малоазийская Церковь возвращение Христа, Которого так долго ожидали. Но Иоанн отрицает, что он не умрет. Повторяя слова Иисуса Христа, он не сообщает, как он сам понимал их. Это отрицание означает, что похожие слова, сказанные Марфе: «Всякий живущий и верующий в Меня не умрет вовек» (11. 26), точно так же нельзя понимать буквально; это снимает очевидную трудность в их объяснении.

Если заключение 20-й главы открывает доктринальный замысел Евангелия — привести читателей к вере (20. 31), то последний стих 21-й главы говорит о литературном замысле автора — выбрать из евангельской истории те события, которые в наибольшей степени характеризуют Личность Иисуса Христа. Поэтому четвертое Евангелие подобно школьной хрестоматии, в которой литературное произведение излагают в отрывках, способных донести до учащихся основное содержание книги. Не случайно поэтому прилагательное «хрестоматийный» близко к «простой, ясный». Сам евангелист Иоанн пишет, что умножение известных ему сведений только усложнило бы задачу постижения личности и учения Иисуса Христа. «Есть и многое другое, что сотворил Иисус: если бы о всем том писалось, думаю, что и самому миру не вместить тех книг, которые стали бы писать» (21. 25). Для апостола Иоанна история Иисуса Христа не завершилась, она продолжается вплоть до Его возвращения⁸.

⁸ Достаточно вспомнить вступление к Первому Соборному Посланию: «О том, что было от начала, что мы слышали, что видели своими глазами, что мы созерцали и что руки наши осязали, о Слове жизни... А наше общение — с Отцом и Сыном Его, Иисусом Христом» (1 Ин 1. 1-3) Таким образом, первоначальное общение не закончилось, оно продолжается и сейчас.

GOSPEL OF ST. JOHN, CHAPTER 21

PRIEST A. ПРОКОПЧУК

The purpose of this report is to show that chapter 21 of Jn is inseparably linked with all previous material of the fourth Gospel. These links are more than sufficient. The supposition that this chapter was not in the original text has become long established, however there has not existed any objective evidence for this fact. Critique has always had a way of raising itself above the Scripture. In the author's opinion a researcher's role is related to that of St. John. Each of us becomes an eyewitness of the things seen and perceived. We should not rise above the text, but keep at the same level with it in order to have a deep insight into author's enigma, Christ's enigma and get it across to our hearers.